

ЖИЗНЬ

ПРЕПОДОБНАГО ТРИФОНА

И

БЛАЖЕННАГО ПРОКОПІЯ,

ВЯТСКИХЪ ЧУДОТВОРЦЕВЪ.

В Я Т К А.
Типографія Маишѣева,
бывшая
Куркина и Красовскаго.
1888.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

1184-07

Отъ Московскаго духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, Апрелья 7 дня 1888 года.

Цензоръ, протоіерей Сгмеонъ Вишняковъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ОСОБ.
Д. И. П. П. П.

2005367074

Преподобный Трифонъ.

Среди дремучихъ лѣсовъ Архангельской губерніи, вблизи нынѣшняго города Мезени, селеніе Малая Немпюжка (нынѣ село) возростила въ себѣ сего угодила Божія—перваго строителя двухъ первыхъ монастырей Вятской страны. Отецъ его, Димитрій, оставилъ его сиротою въ малолѣтствѣ, и добродушная мать (имя ей Пелагія) воспитала его въ страхѣ Божіемъ. За то и оставилъ Трофимъ—такъ называли его по крещеніи—вѣчную по себѣ память, о которой въ писаніи говорится: память праведнаго съ похвалами.

Добронравный и тихій отрокъ чѣмъ болѣе возрасталъ, тѣмъ болѣе любилъ ходить въ церковь и слушать слово Господне,—это духовное сѣмя вѣчной жизни. Наполняя сердце божественнымъ желаніемъ, онъ сталъ тяготиться мірекою суетою: скоро наскучила ему эта жизнь ради плоти, и онъ сдѣлался задумчивъ и молчаливъ. Наконецъ только одно у него и было въ помышленіи, — покинуть свой домъ и куда бы скрыться отъ родныхъ своихъ. Старшіе примѣтили такое намѣреніе брата и, по простотѣ ума, присовѣтовали молодой своей работницѣ нарядиться и ласкою наединѣ склонить юношу къ супружеской жизни. Лестъ не удалась, и сердце цѣломудреннаго еще сильнѣе отъвертилось отъ всего, что въ мірѣ: испросивъ у матери благословеніе какъ бы на дѣло, онъ уже болѣе въ свой домъ не возвращался.

Далеко отъ своей страны, близъ Устюга (города); въ одномъ селеніи Трофимъ зарабатывалъ въ потѣ лица себѣ пропитаніе. И здѣсь такое же искушеніе: усердіе къ труду и тихая покорность полюбились всѣмъ и, вотъ предложена невѣста, и готово уже все къ вѣнцу.

Увидя такое принужденіе себѣ, влекомый всегда однимъ желаніемъ,—какъ спасти душу,—Трофимъ уходитъ и отсюда тайно. Убѣгая отъ прелести міра, Скиталець бѣдный останавливается въ городѣ Орловѣ (нынѣ село Пермской губерніи въ 10 верстахъ отъ Усоляя) и здѣсь проводитъ плачевное жителство при храмѣ, какъ немѣющій, гдѣ главу приклонить. И вотъ, по прошествіи одного года, постигло его искушеніе такого рода: тутъ жилъ богатый помѣщикъ Строгановъ, и у него было много прикащиковъ; вышли они прогуливаться по берегу высокому и крутому и встрѣтили на немъ пришлеца бѣднаго, изможденнаго, съ печальнымъ взоромъ. Они были одѣты на славу, а у блаженнаго одна одежда была, и та вся въ заплаткахъ. Присутствіе такого среди тщеславныхъ всегда бываетъ несносно: и вотъ удалые—вѣроятно, еще молодые—ребята схватили и кинули того, кто тяжель къ вѣдѣнію ихъ, подъ крутую гору, въ глубокой снѣжной сугробъ; и тамъ не видно его стало. Едва съ великимъ трудомъ выбившись изъ-подъ снѣга, послѣдователь ученія Христова обращается тотчасъ къ Богу, да не вмѣнитъ сіе во грѣхъ враждующимъ на него безвинно. Тронулось сердце русскаго человѣка, и вотъ, спустившись съ горы, болѣе жалостливые отряхаютъ снѣгъ съ блаженнаго, снимаютъ съ него саногн, наполненные снѣгомъ: и каково же было видѣть?—морозъ былъ сильный, а на ногахъ у святаго и подвертокъ не было, и отъ него исходилъ паръ. Просили прощенія и еще болѣе удивились, видя, что, и при такой обидѣ отъ нихъ, онъ смотритъ на нихъ, какъ на благодѣтелей и друзей своихъ,—съ миромъ и любовію. Обо всемъ этомъ они рассказали въ тотъ же вечеръ, какъ пришли въ домъ господина своего.

На другой день, послѣ утрени, подходитъ въ церк-
ви къ стоявшему у нищихъ Яковъ Строгановъ, у кото-
раго одинъ въ живыхъ оставался сынъ и тотъ посто-
янно былъ хворый. Вельможа ублажаетъ блаженнаго,
хвалить его богомудрую жизнь и просить помолиться
Богу о выздоровленіи своего сына, общая всегда по-
мощать ему въ нуждѣ. Кто вчера потерпѣлъ уничиже-
ніе отъ рабовъ и посмѣяніе отъ всѣхъ людей, тотъ толь-
ко и могъ сказать: „кто я такой—червь, а не чело-
вѣкъ,—и могу ли кому помочь?“—Однако зная, что
всякій, кто призоветъ имя Господне, спасется (Дѣян.
2, 21) и вѣруя сему вполне, рѣшился исполнить усерд-
ную просьбу господина (великаго въ той странѣ); и
такъ какъ горяча была его молитва о выздоровленіи
боярскаго сына, то дотолѣ больной скоро послѣ сего, къ
удивленію и радости знатнаго дома, сдѣлался здоровъ,
какъ никогда не бывало. Сдѣлавшись чрезъ то извѣ-
стнымъ всѣмъ роднымъ Строганова и не терпя славы,
которая бываетъ помѣхою къ достиженію славы Божі-
ей, пришлецъ ушелъ оттуда и въ селѣ Никольскомъ
привѣталъ, яко птица, не имѣющая гнѣзда.

Домъ нищелюбивой жены приказнаго сдѣлался его
пристанищемъ; у ней былъ двухлѣтній сынъ при смер-
ти. Слезы матери, горячія слезы о умирающемъ маль-
чикѣ принудили блаженнаго сказать ей: „печаль свою
возверзи только на одного Господа, и Онъ тебя утѣ-
шитъ.“ Прошла ночь, проведенная святымъ въ молит-
вѣ, и мальчикъ пробуждается веселый и начинаетъ
играть. Припадши къ ногамъ блаженнаго, благодарная
мать просила—половину имѣнія взять у ней; но кому
такъ близка помощь свыше, тому ли земнымъ обреме-
нять себя? И Трофимъ, чтобъ не гонять себя съ мѣста
на мѣсто изъ-за славы, которая слѣдовала за нимъ,

какъ тѣнь, приходитъ въ Пыскорскій монастырь (нынѣ село Пыскоръ, на красномъ мѣстѣ выше Усолья).— предъ симъ лѣтъ за пять основанный Аникою Строгановымъ,—и здѣсь, будучи 22 лѣтъ, поступилъ въ монахи. Обновилась, яко орля, юность его и подобно какъ при крещеніи, дано было ему новое имя: Трифонъ.

Среди малаго братства не мало дѣлъ было дано молодому иноку, крѣпкому духомъ и потому терпѣливому въ подвигахъ: приводилось ему ссыкать свѣчи, печь просфоры и пономарить; другое послушаніе: мѣсить хлѣбъ, носить воду и дрова даже изъ лѣса на себѣ,—(монастырь былъ у самаго лѣса). Доставало усердія на все,—и за больными присматривать, и очищать ихъ келліи отъ помета и сора; и все это исполнялось въ радости, безъ роптанія и лѣности. А ревность къ молитвѣ была такая, что лѣтомъ онъ уходилъ въ лѣсъ, обнажалъ себя до пояса, чтобы комары и мошки не давали ему заснуть на молитвѣ. Церковной службы и келейнаго правла онъ не любилъ оставлять, называя это грѣшнымъ дѣломъ: всегда находился въ трудахъ, чтобы отогнать духъ праздности и унынія.

Не мимо идутъ слова пророка: много скорбей у праведнаго (Ис. 33, 20). Безъ беззаконія текохъ,—могъ бы сказать о себѣ Трифонъ, однако предается болѣзни, лишается нищи и сна, не можетъ самъ повернуться и 40 дней остается въ такомъ положеніи Трифонъ преподобный. Уже ждетъ себѣ не живота, а смерти, и предается умильному плачу,—не потому, что не хочется помереть, но объ одномъ всегда его забота: какъ бы не лишиться вѣчной жизни. Плачъ затихаетъ и праведникъ дремлетъ: и вотъ свѣтовидный юноша стоитъ на правой сторонѣ и говоритъ: „я твой хранитель, посланъ отъ Бога взять твою душу“. И встаетъ

онъ безболѣзненный, легкій, притомъ и крылатый; оглядывается и видитъ землю: ангелъ несется, и душа за нимъ. Скоро не видно стало и земли; одинъ только чудный свѣтъ окружалъ ихъ. Но голосъ съ неба остановилъ молниеносный полетъ ихъ; „не пришло время принять его сюда; возврати на землю“. И ангелъ принесъ душу обратно; преподобный пришелъ въ себя. Видѣніе продолжалось съ полудня и до вечера; братія были въ полѣ и не видѣли, какъ преподобный лежалъ бездыханенъ.

Пришедши въ себя, онъ посмотрѣлъ на иконы и просилъ пришедшаго въ тотъ часъ Серапіона покадить предъ ними; потомъ опять долго не переставалъ плакать, прося Матерь Божію, да поможетъ ему спастись, и Николая Чудотворца, да исцѣлитъ его. И вотъ видитъ на яву: сѣдовласый и плѣшивый старецъ въ свѣтлой ризѣ стоитъ у изголовья съ крестомъ въ рукѣ и говорить: „что, рабъ Божій, изнемогаешь?“ — „Зѣло изнемогаю“, отвѣчалъ преподобный. — „Востани и ходи“. — „Не могу никакъ“. — И старецъ, взявъ его за руку, поднялъ, осѣнилъ его крестомъ и сказалъ: „востани и ходи“. Преподобный вдругъ почувствовалъ, что болѣзнь его оставила, и отъ удивленія спросилъ „кто же это ты?“ — „Я, Николай, рабъ Господа нашего; къ тебѣ посланъ исцѣлить тебя за то, что имѣешь великую вѣру въ Бога и призываешь меня на помощь; ты же трудись во славу Божію, и я тебѣ буду во всемъ помогать“. — Чудотворецъ вдругъ сталъ невидимъ, и Трифонъ почувствовалъ въ сердцѣ дивную радость.

Съ тѣхъ поръ чудодѣйствующая вѣра еще сильнѣе стала дѣйствовать въ немъ и скоро проявилась въ слѣдующихъ чудесахъ: нѣкто изъ зырянъ близъ живущихъ привелъ въ обитель бѣсноватую дочь и, допро-

спившись, кто есть Трифонъ, сталъ у преподобнаго просить ей исцѣленія (вѣроятно, понуждаемый силою Божіею. бѣсъ въ ней началъ просить). Видя страдавшую отъ бѣса и вѣру отца ея, къ тому же вспоминая слово апостола: много можетъ усиленная молитва праведнаго (Іак. 5, 26), преподобный Трифонъ долгое время не выходилъ изъ келліи, постился и все молился со слезами. Потомъ окропилъ и напоилъ больную святою водою, велѣлъ приложить къ образу Богоматери, и больная съ тѣхъ поръ избавилась отъ духа мучителя. Еще у крестьянина въ монастырской слободѣ двухлѣтній сынъ былъ при смерти; отецъ, испросивъ дозволенія у строителя (начальника монастыря), принесъ своего больного къ преподобному въ келлію и съ плачемъ просилъ его помочь великому его горю. — „Что ты много думаешь обо мнѣ?—говорилъ ему преподобный;—я хуже всѣхъ, а ты понуждаешь къ такому дѣлу; но если ужъ такъ вѣришь, то помолимся вмѣстѣ“. — И вскорѣ больной оздоровѣлъ.

Всеобщая молва, а еще болѣе зависть нѣкоторыхъ изъ братіи принудили преподобнаго уйти изъ монастыря. Преданный упованію на одного Бога и огражденный отъ врага, какъ щитомъ, постомъ и молитвою, одинъ въ малой лодкѣ плыветъ преподобный внизъ по Камѣ болѣе ста верстъ и слезно Бога проситъ показать ему мѣсто, гдѣ бы онъ не въ погибель, а во спасеніе могъ пожить какъ себѣ, такъ и ближнимъ. И вотъ, въ одно тихое утро, вдали,—среди дремучаго лѣса, послышался голосъ внятный: „рабъ мой, Трифонъ! здѣсь вселись“. — Преподобный подумалъ: „кто я, чтобы могъ слышать голосъ Божій?“—Тогда голосъ тотъ же еще два раза повторился, и душу преподобнаго объяла дивная радость. Онъ повернулся на голосъ и плылъ вверхъ

по рѣкѣ Мулѣ около пяти верстѣ до мѣста, гдѣ двѣ Мулянки соединяются въ одну. Здѣсь показалось очень пустынное мѣсто; между рѣчками, на полянѣ, усыпанной цвѣтами, стояли громадныя, древнія деревья; они высоко поднимались къ небу. Поставивъ вблизи сего мѣста малую хижину, Трифонъ началъ производить безмолвную жизнь со многими слезами; сарана (трава, у которой луковицу ѣдятъ) служила ему пищею, ибо ея здѣсь было много.

Дивное для души озареніе бываетъ въ безмолвной жизни, — тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ разговоровъ, кромѣ бесѣды съ Богомъ, и нѣтъ иныхъ помышленій, какъ только о Богѣ. Но этотъ свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, сѣдящаго во тьмѣ смертной, свѣтится лишь только тому, кто разумно внимаетъ откровеніямъ Вышняго. Преподобный же хотя и творилъ чудеса, — ибо по вѣрѣ своей все получалъ просимое у Бога, — однако не могъ еще понимать всѣхъ Божественныхъ изреченій и потому умыслилъ сотворить прилежную Богу молитву, да отверзетъ умъ его — „разумѣти книжное писаніе“. — Часто преклоняя колѣна, проливалъ онъ многія слезы; тужилъ, когда чего не понималъ при чтеніи Божественнаго Писанія, и взывалъ, подобно Давиду: истомилась душа моя желаніемъ судовъ Твоихъ во всякое время; яви милость рабу Твоему, открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего (Пс. 118, 17—20). И такъ какъ молитва его была усердна, съ благоговѣніемъ, то и былъ онъ услышанъ: съ тѣхъ поръ, всегда пребывая во свѣтѣ Господнемъ, онъ видѣлъ свѣтъ живота вѣчнаго ясно для ума и ощутительно для сердца. Это служило для него бытіемъ безсмертнымъ, начаткомъ вѣчнаго блаженства; и за то въ радости преподобный благословлялъ Господа

во всякое время, и выну (всегда) хвала Ему была въ устахъ его.

Близъ мѣста, гдѣ жительствоваля преподобный, было жилище остяковъ, — идолопоклонниковъ, которые любили жить въ лѣсахъ и боготворили или чтили какую либо роццу и въ ней поклонялись предъ великимъ деревомъ. Собралось разъ къ преподобному остяковъ до 70 (онъ тогда копалъ землю, чтобы посѣять хлѣбныя зерна на ней), и спросилъ его старшина ихъ: „ты кто? откуда пришелъ? зачѣмъ живешь здѣсь и что дѣлаешь?“—И Зевендукъ при этомъ объяснилъ еще: „ибо я много видѣлъ: то поднимается надъ этимъ мѣстомъ парь, то дымъ, то огненный столпъ, и затѣмъ пришелъ посмотрѣть сюда“.—Преподобный отвѣчалъ: „имя мое Трифонъ; я рабъ Бога моего Иисуса Христа и сюда пришелъ послужить Ему“.—„А кто Богъ твой и почто ты сталъ Его рабомъ?“ спросилъ еще старшина; и преподобный разсказалъ ему о жизни Иисуса Христа, — какія онъ творилъ чудеса, какъ былъ распятъ и воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся на небо. Проповѣдалъ еще объ ожидавиі воскресенія всѣхъ мертвыхъ, о страшномъ судѣ и Судіи, сѣдѣщемъ на облакахъ; при семъ указывалъ и на то. — что есть истинный Богъ, Которому должны работать или служить всѣ люди. Послѣ, разсказывая о семъ своему князю (Амбалу), остяки съ старшиною говорили: „ни мы, ни отцы наши не слыхали такой новѣсти ни отъ кого“.

На полянѣ, гдѣ было кладбище остяковъ, стояло древнѣйшее дерево (елевое), толщиною въ три обхвата слишкомъ; прутья были по четыре сажени и болѣе. Къ нему изъ дальнихъ мѣстъ пріѣзжали остяки и вогулы приносить свою жертву за удачи въ звѣрипой ловлѣ; и висѣли на немъ шкурки звѣриныя, шири-

ки и серги; такъ мужчины и женщины украшали своего лѣснаго бога. Разъ пришелъ къ преподобному русскій торговецъ и разсказалъ, какъ пѣкто изъ города Чердыня поемѣлся надъ служеніемъ остяковъ этому дереву и къ вечеру занемогъ и умеръ. Преподобный захотѣлъ срубить это дерево, служившее соблазномъ и погибелью многихъ душъ, и тотъ далъ ему стальной топоръ, который могъ рубить желѣзо. Чтобы избавить остяковъ отъ владычества духа тьмы, князя вѣка сего, власть котораго разрушается, какъ Господь сказалъ, постомъ и молитвою, — преподобный Трифонъ четыре недѣли пребывалъ въ постѣ и непрестанной молитвѣ, да явитъ Господь этимъ людямъ милость Свою; и тогда взялъ на себя икону Спасителя съ предстоящими Богородицею и Крестителемъ и срубилъ, и сжегъ то дерево.

О семъ тотчасъ донесено было Амбалу, и князь со множествомъ народа пришелъ къ преподобному и тихимъ голосомъ спросилъ его: „удивляюсь, какъ ты могъ сгубить дерево то, которое почитали за бога мы и отцы наши; этого никто до тебя не сдѣлалъ, хотя бы и былъ кто вѣры вашей. Бывало и поемѣтся кто надъ нимъ, и за то погибалъ; а ты сжегъ его и остался живъ. Скажи же, какой богъ это сдѣлать помогъ тебѣ; или ты сильнѣе нашихъ боговъ“? Преподобный на сіе отвѣчалъ: „развѣ не слыхалъ о томъ Богѣ, Котораго я проповѣдую вамъ? Его силою я, — меньшій Его слуга, — сдѣлалъ то, чему вы удивляетесь, чтобы не служило дерево то въ погибель вамъ и дѣтямъ вашимъ“. И всѣ слушающіе говорили: „великъ христіанскій Богъ, сильнѣе нашего бога“!

Однако князь ѣздилъ въ Сольвычегодскъ и жаловался городничему: „господинъ! есть у нашего поля

живеть вашей вѣры, въ худой черной одеждѣ; было у насъ на кладбищѣ молебное дерево нашего бога, и онъ его погубилъ. Не знаемъ, что съ нимъ сдѣлать; а онъ велитъ намъ креститься, вѣровать въ вашего распятаго Бога“.—Тутъ случилось быть прикащику Строганова, который зналъ о преподобномъ и говорилъ остякамъ: „что вы гнѣваетесь на святаго? Онъ васъ учитъ вѣровать въ Бога истиннаго; вѣруйте и получите блаженство“.—„Пусть такъ будетъ“, отвѣчали тѣ и возвратились въ радости.

Но и духъ поднебесной злобы свое творилъ: онъ произвелъ въ ту пору нашествіе черемисъ на страну эту, и они грабили суда на Камѣ и ловили людей. Остяки на своемъ совѣтѣ рѣшили убить Трифона, чтобы онъ не показалъ ихъ жилищъ въ лѣсу, когда черемисы къ нему придутъ. За толпой убійць пошли и русскіе, бѣжавшіе изъ плѣна отъ черемисъ,—имъ хотѣлось посмотрѣть на кончину мученика. И что же? долго искали и не нашли даже келліи его, въ которой онъ стоялъ тогда и молился Богу. Впослѣдствіи уже, когда черемисы удалились въ свое мѣсто, остяки снова увидали келлію преподобнаго, съ удивленіемъ говорили: „великъ христіанскій Богъ! хорошо хранить своихъ рабовъ: вѣруемъ и мы въ Него“.

Первые изъ принявшихъ святое крещеніе были дочери князей Амбала (остяцкаго) и Бебяка (вогульскаго). Новокрещенныя отъ радости приносили святому медъ, воскъ и хлѣбъ; онъ изъ любви къ нимъ принималъ сіе и благодарилъ Бога за спасеніе людей сихъ. И прожилъ тутъ преподобный около 6 лѣтъ.

Между тѣмъ событія не радостныя произошли въ Пыскорскомъ монастырѣ,—теченіе соляного разсола испортилось, и завистники праведнаго мучились разными

болѣзнями; потому и просили братія, чтобы Строганова прикащикъ послалъ за Трифономъ и привезли бы его въ обитель. (Всякъ ищетъ выгоды себѣ и не смотритъ на душевную пользу ближнихъ). Посланные, одни изъ лучшихъ, чуть не потонули, бурей разбило лодку; на новой доплывши, усердно просили преподобнаго возвратиться въ свой монастырь. Преподобный плакалъ и говорилъ: „кто я, чтобы искуть моего окаянства? Дайте мнѣ сидѣть здѣсь и плакать о грѣхахъ моихъ“. — Посланные отвѣчали: „мы должны волю начальника исполнить: а ты можешь, какъ хочешь, и опять уйти“.

Встрѣтили преподобнаго на берегу братія съ настоятелемъ, поклонились ему до земли, обливаясь слезами, и онъ просилъ у каждаго прощенія. Ему дали келлію, и жилъ онъ въ безмолвіи, какъ сказано въ его жизнеописаніи: „не излазя изъ келліи, но присно молящеся Господеви“. Вскорѣ строитель и братія стали его просить помолиться Богу, чтобы теченіе раскола было по прежнему, но онъ говорилъ: „сотворимъ молитву вси вкушѣ“. — И сколь сильна молитва праведнаго, Богъ показалъ и при семъ; ибо хотя и ранѣе былъ мастеръ посланъ отъ прикащика (управляющаго заводами г. Строганова), но при всемъ стараніи его не помогла очистка трубъ; теперь же лишь только начали, по совѣту преподобнаго, молиться — „внезапу поиде расколъ вяще прежняго“. — И была у всѣхъ радость; только Василій дьячекъ, наносившій обиды преподобному болѣе всѣхъ, лежалъ еще въ расслабленіи и просилъ, чтобы пришелъ къ нему Трифонъ. Вскорѣ, какъ преподобный къ нему пришелъ и помолился Богу, сдѣлался здоровъ и Василій. Но вотъ и еще чудо: мальчикъ четырехъ лѣтъ, не говорившій отъ рожденія ни слова, приведенъ былъ къ преподобному и, по молит-

въ его. вдругъ заговорилъ. Это такъ удивило отца, что онъ послѣ самъ поступилъ въ монахи.

Слава о преподобномъ опять понудила его искать безлюднаго мѣста; и къ тому же былъ у него обычай уединяться болѣе и совершать молитву, какъ сказано, — „нѣщеславиу и немятежну.“ — Испросивъ у Якова и Григорія Строгановыхъ дозволенія поселиться въ ихъ отчинѣ на безмолвномъ мѣстѣ, онъ обошелъ много пустынныхъ горъ и лѣсовъ, и въ бору, въ 70 верстахъ отъ нынѣшняго города Перми, на высокой и крутой горѣ при рѣкѣ Чусовой построилъ себѣ хижину. Это мѣсто, по своимъ видамъ грозное и величественное, наводило ужасъ на суевѣрныхъ жителей сего края; инымъ мнились неистовые крики и хохотъ лѣснаго, и отъ испуга сіи впадали въ болѣзнь. Но когда преподобный освятилъ сіе мѣсто своимъ вселеніемъ и своими молитвами, жители перестали бояться кикиморы, какъ думали они, живущей на томъ мѣстѣ. Здѣсь была построена преподобнымъ часовня и въ ней поставлено много иконъ. Многіе приходили къ нему помолиться и уходили въ радости.

Случились и здѣсь событія замѣчательныя: у крестьянина, за 7 верстъ отъ пустыньки преподобнаго, жена была бѣсновата; и видѣла она во снѣ жену, похожую на образъ Богоматери, которая сказала ей: „пойди въ часовню къ Божію рабу, Трифону, тамъ ты получишь исцѣленіе.“ — Мужъ привелъ ее, и бѣсъ сталъ здѣсь жестоко ее мучить. Преподобный же былъ сострадательнъ, молился о ней со слезами, читалъ молитву на прогнаніе злаго духа, потомъ окропилъ ее святой водой, и она затряслась, — бѣсъ тотчасъ вышелъ. Еще въ 10 верстахъ мучилъ одного мужичка духъ неистовый, и когда его подводили къ пустынькѣ, онъ упирался, ре-

вѣлъ на разные голоса, какъ звѣрь и скотина, лаялъ подобно собакѣ и едался на всѣхъ. Съ трудомъ нѣсколько человѣкъ притащили его въ часовню, гдѣ онъ ударился о землю и лежалъ безъ дыханія, точно мертвый. Преподобный помолился, окропилъ водою, и когда пришелъ тотъ въ чувство, то спросилъ: „почто бился и кричалъ“! и онъ отвѣчалъ: „много черныхъ людей окружило меня; они не давали идти сюда, хотѣли убить“.—И многіе иные выздоравливали, когда приходили къ преподобному и молились у него. У одного болѣли глаза и, по молитвѣ у преподобнаго, ему стало легче; но онъ подумалъ, что болѣзнь прошла сама. Скоро опять ослѣпъ и, приведенный къ преподобному, кланялся и просилъ прощенія. Отпуская въ добромъ здоровьи, преподобный говорилъ ему: „не будь невѣренъ, но вѣръ; все Божіею благодатію совершается, но по вѣрѣ и согласно добрымъ дѣламъ“.

Но бѣды, какъ описалъ апостоль, бываютъ во лжебратіи, бѣды и въ пустынѣ (2 Кор. 11. 26). Близъ пустыньки преподобнаго была заготовка дровъ: сюда привозили ихъ изъ бору, складывали на берегу рѣки и отправляли на солеваренные заводы Строгановыхъ. Трифонъ преподобный, по обычаю жителей лѣсныхъ странъ, расчищая мѣсто подъ посѣвъ хлѣба, заназилъ свою подсѣку; вѣтеръ усилился, огонь забрался въ лѣсъ, и три тысячи сажень Строгановскихъ дровъ до тла сгорѣли. Озлобленные приказчики бросили преподобнаго съ горы къ рѣкѣ; но, видя, что онъ не ушибся, кинулись за нимъ; онъ же бросился въ лодку, которая тутъ случилась на счастіе только одна, и безъ весла, съ помощію Божіею, переправился на другой берегъ.

Григорій Строгановъ приказалъ однакожъ отыскать виновнаго, и вотъ приведеннаго осыпалъ бранью и по-

садили въ оковы. Пророческій духъ возвѣстили ожесточенному новую бѣду: „не по мнозѣ времени и ты таковая понесешь“, — кротко сказалъ преподобный боярину. Только три дня минуло, какъ прѣѣхали отъ царя Іоанна Грознаго посланники къ Строганову, и оковали ему руки и ноги, и всячески бранили его; только великими дарами умиловленные, дали, наконецъ, ему свободу. Напуганный тотчасъ освободилъ и своего узника, поклонился ему въ ноги и со слезами просилъ — помолиться объ укрощеніи царскаго гнѣва; однако и при семъ говорилъ: „отче святой! благоволи отбыти отъ моя вѣтчины и иди, аможе хочещи“.

Съ плачемъ провожали жители деревень, сосѣднихъ съ пустынькой, гдѣ жилъ преподобный 9 лѣтъ; но онъ имъ говорилъ: „не скорбите; оставляю вамъ вмѣсто себя строителя мѣсту сему, ученика моего Іоанна“ ¹⁾. Село на семъ мѣстѣ зовется Монастырькомъ до нынѣ, потому что тутъ былъ монастырь.

¹⁾ Не этотъ ли Іоаннъ жилъ впоследствии въ 12 верстахъ отъ села Синеглинскаго, Слободскаго уѣзда, и похороненъ въ томъ селѣ при церкви? Въ Вятскихъ вѣдомостяхъ (за 1880 годъ, № 62) упоминается слѣдующее: „въ здѣшней мѣстности (у села Синеглинскаго) въ бывшее время проводилъ уединенную жизнь нѣкто Іоаннъ пустынный, по рассказамъ, будто бы братъ Трифона преподобнаго; здѣсь онъ скончался и положенъ при церкви.“ Надъ могилою его построена давно часовня и служатъ тутъ панихиды. Жилъ онъ въ мѣсту, при рѣчкѣ Митецѣ; тутъ у него была часовня и гумно для молоченья; онъ стѣлъ хлѣбъ и удилъ рыбу. На этомъ мѣстѣ и нынѣ стоитъ часовня; сюда сходятся 29 августа не мало народа, и служатъ и Іоаннѣ панихиды. Такое расположеніе въ народѣ поддерживать не что другое, какъ помощь больнымъ.

ОСНОВАНІЕ МОНАСТЫРЕЙ НА ВЯТКѢ.

Какими удивительными судьбами Господь ведетъ своихъ избранныхъ къ предназначенной имъ цѣли! То тѣми, то другими обстоятельствами отовсюду гонимый или гонящій себя, преподобный Трифонъ, наконецъ, узнаеть, что „Вятская страна многолюдна есть и изобильна всякими потребами, а еже о душевномъ спасеніи скудостію одержима, и монастыря нѣсть тамо“;— посему и идетъ къ бывшему своему настоятелю и духовнику Варлааму принять отъ него совѣтъ и благословеніе на великое дѣло,—начальное *строительство монастыря на Вяткѣ* ¹⁾.

Шествуя далѣе до городка Кая, онъ встрѣчаетъ въ немъ вятчанина и узнаеть, что вятчане давно желаютъ имѣть монастырь, но не находятъ, кто бы это сдѣлалъ. Сдѣлавшись болѣе благонадежнымъ, пошелъ онъ зимнимъ путемъ до Слободскаго лѣсами около трехъ сотъ верстъ и, дошедши до верховья рѣки Вятки, въ первый разъ напился воды вятской, которая показалась ему, какъ медь, сладка. Затѣмъ увидѣлъ во снѣ: на высокомъ мѣстѣ стоитъ много деревъ, а посреди ихъ одно выше и лучше всѣхъ; и показалось, что онъ влѣзъ на это дерево, и прочіе всѣ приклонились къ нему, и душа его обрадовалась. Это усилило въ немъ надежду, и шелъ онъ къ вятчанамъ съ поспѣшностію.

18 января 1580 года пришелъ Трифонъ преподоб-

¹⁾ Страна эта получила такое названіе отъ вотяковъ, живущихъ въ ней. Племя это называлось воть или отъ. Вотьякъ и нынѣ называетъ себя отъ-утъ, что значить человекъ (и у насъ слово отюшковать—толеть). Первые изъ русскихъ поселились здѣсь выходцы изъ Новгорода. 1181 года, овладѣвъ вотскимъ городкомъ Чуди-Болваномъ, гдѣ нынѣ село Никулицкое, они построили свой городокъ на крутомъ, высокомъ берегу рѣки Гятки, между двумя глубокими оврагами, и назвали Хлыновомъ по той, вѣроятно, причинѣ, что вдругъ многіе наѣхали—хлынули на это мѣсто.

ный въ г. Слободской и оттуда скоро ушелъ въ Хлыновъ, который увидѣлъ издали, на крутой горѣ, обрадовался и возблагодарилъ Господа. Вошедши въ него, онъ прямо устремился въ храмъ Господень и предъ чудотворнымъ образомъ Николая чудотворца (съ Великой рѣки) усердно помолился. Здѣсь замѣтилъ его диаконъ (Максимъ Мальцевъ) и пригласилъ въ домъ свой. Вскорѣ и другіе изъ благочестивыхъ приглашать стали его къ себѣ, когда узнали, что онъ желаетъ потрудиться у нихъ въ строеніи монастыря. И преподобный, видѣвъ простоту въ вятчанахъ и вѣру ихъ чистосердечную, возымѣлъ къ нимъ великую любовь.

Чтобы имѣть въ виду мѣсто удобное для обители, преподобный ходилъ вокругъ города, и полюбилось ему одно мѣсто больше всѣхъ,—на кладбищѣ, за засорой, гдѣ стояли двѣ церкви, у рѣки надъ озеромъ. Сотворивъ здѣсь молитву, онъ въ пророческомъ духѣ сказалъ: „се покой мой во вѣкъ вѣка! Здѣсь вселюся“.—И затѣмъ приходитъ въ земское собраніе и проситъ согласія на постройку монастыря, обѣщаясь потрудиться въ дѣлѣ семъ. Скоро была написана челобитная царю, и преподобный отправился въ Москву, гдѣ былъ (24 марта) рукоположенъ въ іеромонаха и утвержденъ въ должности строителя. 20 іюля возвратился въ Хлыновъ и сталъ производить сборъ добровольныхъ пожертвованій на монастырь, и едва двѣ, три келліи могъ построить на скудную жертву: „понеже, какъ замѣчаетъ жизнеописатель, ему тогда мало знаему сущу и мало радяху о немъ, еще же и отъ иныхъ презираему, яко странну и пришельцу“.

Церкви были стары и холодны, и при наступленіи слѣдующаго лѣта преподобному весьма хотѣлось построить новый храмъ, но вятчане не старались о семъ.

„Обычай бо есть мірянномъ о суетныхъ вѣка сего паче пещися, нежели о духовныхъ прилежати“. Къ счастію, у города Слободскаго стояла церковь на пустомъ мѣстѣ: кто-то хотѣлъ строить монастырь, но померъ, и два года была (церковь) не освященна; ее и выпросилъ преподобный у Слобожанъ. Замѣчательно, когда стали ее разломывать, наканунѣ Успеньева дня, 1581 года: при сильномъ вѣтрѣ одинъ рабочій возмогъ снять и спустить съ церкви крестъ такой, что когда онъ былъ на землѣ, — „тотъ же работникъ съ другими едва подыша“. Разломали церковь до матицъ въ тотъ день, и всю ночь былъ проливной дождь; поутру пришли и увидали, — церковь раскатана до низу и всякое бревно лежало въ порядкѣ; дѣлателей же такова дѣла нигдѣ не отыскалось. „Такое чудо молитвъ ради преподобнаго бысть“.

И дѣйствительно, что-то не совсѣмъ обыкновенное происходило тогда и въ природѣ: съ 15 августа и до 8 сентября шелъ безпрестанно дождь съ сильнымъ вѣтромъ, и плоты съ церковнымъ строеніемъ, ставшіе на мель у Хлынова, закидало пескомъ. Была страшная буря, и волны необыкновенныя: не признакъ ли это гнѣва Господня на нерадивыхъ вятчанъ?! Но Господь и при семъ показалъ милость свою преподобному: сдѣлалась великая прибыль воды, и подыавшіеся плоты могли пройти даже въ подмонастырское озеро, вплоть къ обители. Когда хранящіе суетная и ложная милость свою къ преподобному оставили, тогда, не видя помощи отъ людей, обратился онъ съ слезною мольбою къ усердной Заступницѣ всѣхъ христіанъ, да ими же вѣсть судьбами, устронть Она обитель и въ ней храмъ себѣ. И упованіе на пресвятую Госпожу не посрамило усерднаго молитвенника.

Въ ночь на 8 сентября одинъ набожный крестьянинъ, жившій въ 5 верстахъ отъ Хлынова, видитъ сонъ: много людей стоитъ въ Хлыновѣ и небесная Царица съ ангелами и Предтечею предъ ними; и говоритъ Она людямъ: „какъ это общались вы строить во имя Мое монастырь и почто общаніе свое забыли? Уже и строитель данъ вамъ отъ Бога, а вы презираете его; и вотъ онъ скорбитъ и плачетъ предъ Господомъ долгое время. Если же нынѣ не исполните повелѣннаго Мною, то будете наказаны огнемъ, или голодъ, или моръ потершите“. Сказавъ сіе, Она пошла на мѣсто, гдѣ строится монастырь, и здѣсь, указывая на средину, произнесла: „тутъ воздвигните Мой храмъ“. За снъ и Предтеча говорилъ: „смотрите, христіане, Матерь Божія гнѣвается на васъ; постарайтесь строить монастырь, чтобы не постигъ васъ гнѣвъ Божій“. Это сновидѣніе поутру было передано многимъ, и вѣсть разнеслась по всему городу. Въ тотъ день — праздникъ рождества Богородицы — былъ крестный ходъ изъ соборнаго храма въ монастырь, и была тамъ, послѣ молебна, закладка церкви (Благовѣщенской). Въ тотъ же день пересталъ дождь идти и сдѣлалась хорошая погода. Готовая церковь скоро была освящена, и преподобный успокоился.

По прошествіи лѣтъ шести явилась ему новая работа. „Страннолюбивъ бо бѣше, сказано о преподобномъ, и яко отецъ благопріятный ко всеѣмъ бываше; посему и слава о немъ всюду проходилаше, и мнози отъ вятчанъ и отъ дальнихъ странъ къ нему въ обитель приходяху иноческаго житія ради“. Братіи собралось человекъ до сорока, и церковь оказалась тѣсна; построить же новую средствъ не было; однако и на сей разъ Господь дивно помогъ рабу своему. Былъ тогда на Вяткѣ воевода (Василій Овцынъ) смиренный, боголюбивый,

или какъ сказано: „мужъ благочестивъ, земному царю праведно служаше и небесному угодная творяше. Сей, видя воздержную и люботрудную жизнь иноковъ — во бдѣніи и постѣ и смиренномъ повиновеніи своему отцу духовному—особенно сего послѣдняго, украшеннаго нестяжаніемъ, кротостію и состраданіемъ ко всякому—зѣло возлюбилъ его, и въ монастырь милостыню довольно творяше, и самаго преподобнаго, яко ангела Божія, почиташе, и собесѣдникъ ему начастѣ бываше“. Бесѣдующимъ имъ о душевной пользѣ, разъ привелось преподобному указать воеводѣ на тѣлоху храма и просить его милости помочь такой нуждѣ.

И вотъ въ Пасху — „сотвори воевода въ дому своемъ пирь великій, и созва вся нарочитыя (знатныя) и изобильныя вятскіе жители, яко да обѣдуютъ въ дому его“. Тутъ былъ и преподобный Трифонъ. Когда все угостились, какъ должно, и развеселились, воевода завелъ рѣчь о монастырѣ: „слышалъ я, такъ онъ началъ рѣчь, что вы, православные, сами пожелали имѣть монастырь, и вотъ вамъ Богъ послалъ строителя (указавъ на преподобнаго, примолвилъ) и, просто сказать, отца и богомолца, наставника ко спасенію душъ нашихъ. И, какъ угодно Господу, собрать при немъ ищущихъ спасенія много уже, церковь же мала и обитель скудна; притомъ же, когда онъ молить за насъ Бога, да будетъ милостивъ къ намъ, и мы должны быть милостивы къ требующимъ нашей помощи. Итакъ: чтобы преподобный построилъ побольше храмъ, поможемъ ему, кто что можетъ дать Богу отъ имѣнія своего“. Услышавъ такое умное сужденіе воеводы, гости поклонились низко и заговорили: „такова есть Божія воля, и мы рады помочь такому дѣлу“. Тогда воевода первый подписалъ въ книжку и велѣлъ писцу запи-

сывать, кто что жертвуетъ. Такъ онъ дѣлалъ по три дня, „съ любовію призываше къ себѣ отъ первыхъ даже до послѣднихъ“. Пожертвованій было собрано болѣе шести сотъ серебряныхъ рублей, (каждый вѣсомъ треть фунта; значитъ — болѣе пяти пудовъ серебра). И сбылось то сновидѣніе преподобнаго, въ коемъ, подъ видомъ высокихъ деревъ, всѣ знатныя земли вятской склонились предъ волею воеводы; чрезъ то и обрадовали святаго отца. Въ то лѣто былъ построенъ храмъ Успенскій, и воевода покрылъ главу бѣлымъ желѣзомъ на свой счетъ. Таковъ былъ этотъ боголюбецъ! Онъ еще пожертвовалъ въ обитель отъ себя „деревни и сѣнные покосы съ иными угодыми.

За симъ привелось преподобному ѣхать въ Москву по дѣламъ монастырскимъ, и тамъ, какъ надо полагать, по письмамъ вятскаго воеводы узнають близкіе къ царю и патриарху о его богоугодной жизни. Ибо такъ сказано въ житіи его: „благовѣрный царь Феодоръ Іоанновичъ и святѣйшій Іовъ, патриархъ Московскій и всея Россіи, преподобнаго отца Трифона зѣло любляху; вѣдаху бо его богоугодное житіе, труды и подвиги, смиреніе и кротость, и яко истинный рабъ Божій есть“. Посему вскорѣ отъ патриарха и „во архимандрита поставляется, иже и благословенную грамоту и антиминосъ на освященіе церкви преподобному даде“. Многіе изъ вельможныхъ лицъ тогда принимали преподобнаго въ дома свои, и „по его прошенію: наипаче даяху ему иконы, и книги, и ризы, и прочія церковныя потребности“. И такъ какъ всего „даянія“ набралось много, то „благочестивый царь повелѣ вдати преподобному дванадцать подводъ съ Москвы и по городамъ, даже и до Вятки. И тако преподобный отпущенъ бысть съ Москвы съ честію“. Это было въ 1588 г.

Въ слѣдующемъ году (1589) и потомъ еще въ 1595 и 1596 годахъ приводилось преподобному ѣздить опять въ Москву, и тогда „ходатайствомъ его, благовѣрные цари пожаловали села и деревни съ людьми, и озера и рыбныя ловли“ на монастырское строеніе и братіи на прокормленіе. Братство все еще умножалось, и преподобный „пробывая въ своемъ монастырѣ, пасяше стадо словесныхъ овецъ, яко вонистину добрый пастырь, а не яко наемникъ, и зѣло о братіи печашеся, поминная реченное: ему же дано много, много и възыщется“. Онъ усердно заботился о спасеніи своихъ чадъ духовныхъ и училъ ихъ какъ словомъ, такъ и жизнію: „самъ бо показоваше собою путь ко спасенію, вина же и пива, и всякаго пиянственнаго питія отнюдь не вкушаше: ни ризъ мягкихъ, ни пищей сладкихъ требуя: на тѣлѣ своемъ имяше вериги желѣзныя, верху же ношаше ризы власяны, ветхи и многошвенны. Мягкихъ же и цвѣтныхъ ризъ не токмо носить хотяше, но и гнушашеся ими. Въ келліи же у себе ничто же имяше, точію святыхъ иконы и книги, душевныя ради потребности. Тако преподобный отецъ нашъ Трифонъ свою жизнь провождаше“.

Былъ же онъ мужъ святъ и прозорливъ. Будучи въ Москвѣ приглашенъ въ домъ князя Воротынскаго, мужа благочестиваго, но бездѣтнаго и много о семъ скорбящаго и, видя его усердіе, съ какимъ принимаетъ сей вельможа инока страннаго и убогаго, преподобный тотчасъ призвалъ въ умѣ своемъ милость къ нему Божію и сказалъ; „о, князь! какъ это Бога ради почитаешь ты меня, худаго старца, такъ не меня грѣшнаго, но самаго Бога почитаешь, то да будетъ тебѣ извѣстно, супруга твоя родитъ сына, по имени Алексѣя“. Князь, взглянувъ на жену, опустилъ голову

(усумнился было немного въ словахъ); но, посмотрѣвъ онять на преподобнаго и уразумѣвъ, что онъ говоритъ по внушенію Божію, весьма сему удивился и, припавъ къ ногамъ его, сказалъ: „отецъ святой! пусть по слову твоему будетъ, и молись о насъ, да предреченіе твое исполнится“. И затѣмъ, вручивъ обильную милостыню, отпустилъ преподобнаго съ миромъ. Когда же исполнилось, по прошествіи года, предсказаніе преподобнаго Трифона, тогда князь еще болѣе возымѣлъ вѣры о святости его и не только самъ много жертвовалъ въ его обитель, но и царя расположилъ подарить село Полянки (бывшее тогда въ Казанскомъ уѣздѣ) съ рыбными ловлями и сѣнными покосами „братіи на пропитаніе“. Отъ князя сего была послана преподобному соболья шуба и пять рублей; но онъ серебро и шубу пожертвовалъ въ обитель. Такъ чуждъ онъ былъ сребролюбія и, какъ великій даръ Божій, хранилъ нестяжаніе! Но истиннѣ служилъ Богу духомъ и непритворнымъ послушаніемъ Его закону; за то и по кончинѣ его этотъ князь не переставалъ благотворить его обители. Разъ бесѣдовалъ еще преподобный въ Казани съ митрополитомъ Гермогеномъ и сказалъ ему, что онъ будетъ патріархомъ въ Москвѣ и мученикомъ; и во время междуцарствія онъ дѣйствительно былъ замученъ.

Но какъ Господь сказалъ: нѣсть пророкъ безъ чести, токмо во отечествіи своемъ и въ дому своемъ (Мат. 13, 57),—такъ точно и съ преподобнымъ Трифономъ случилось: привелось ему испытать и людскую неблагодарность, лишиться чести и быть даже изгнаннымъ изъ обители, которую основалъ и ради которой такъ много потрудился въ продолженіи 20 лѣтъ и болѣе. За его управленіе, конечно богомудрое, за его неуклонное направленіе своихъ чадъ къ царствію Божію воз-

непавидѣли его сыны сопротивленія, лукавые монахи, подвластные духу міра сего. По пословицѣ „въ семьѣ не безъ урода“, и въ какомъ избранномъ обществѣ, — какъ напримѣръ въ ликѣ апостоловъ, былъ и всегда быть можетъ по дѣламъ, какъ Іуда предатель, и по праву, какъ діаволь лукавый — лицемѣръ. Такъ и въ обители преподобнаго, подобно какъ въ неводѣ, захватившемъ съ хорошею и худую рыбу, попались люди злонравные, имѣющіе видъ благочестивый, а сердцемъ преданные духу міра сего, — слуги сатаны, Они вознегодовали на преподобнаго за то, что онъ не допускалъ ихъ предаваться мірскимъ обычаямъ, — заводить имянины, предаваться угощенію и попойкѣ, что и донинѣ остается въ обычаѣ у мірскихъ богатыхъ людей. Изъ числа такихъ нѣкоторые поступили въ монастырь съ значительными пожертвованіями и за то требовали себѣ освобожденія отъ строгихъ монастырскихъ уставовъ, хотѣли, чтобъ имъ дозволено было дѣлать то, что имъ нравится. Такъ какъ въ міру при богатствѣ, — этомъ сильномъ препятствіи къ достиженію вѣчныхъ благъ, — они привыкли уже жить богопротивно, то и въ монастырѣ не могли или не хотѣли исправиться, но, озираясь назадъ, то есть дѣлая, что и прежде, оставались преданными сластолюбію и пьянству. Что же съ такими могъ сдѣлать одинъ, хотя и святой, когда ихъ было быть можетъ десять? Всѣхъ изгнать? Но точно такъ и хотѣли поступить ангелы, когда увидѣли, какъ сказано въ притчѣ, что вмѣстѣ съ пшеницею стали расти и плевелы; однако Господь ихъ не допустилъ до этого и сказалъ: пусть вмѣстѣ растутъ до жатвы. Вѣрно ужъ таковы судьбы Господни за грѣхонаденіе рода нашего, чтобы въ жизни сей терпѣли притѣсенія добрые отъ злыхъ, какъ и Самъ Господь потерялъ всякія обиды и даже смерть

отъ сыновъ вѣка сего. А что привелось и преподобному Его потерпѣть безчестіе и игнаніе, то это служить вѣрнымъ признакомъ того, что онъ былъ чистъ отъ грѣха сластолюбцевъ,—съ ними не сочетался и не уподобился имъ отъ того и произошло раздѣленіе, гоненіе и разлученіе. Ибо какое можетъ быть общеніе свѣта со тьмою, правды Божіей съ беззаконіемъ? И такъ какъ сыны вѣка сего, по свидѣтельству истины, догадливѣе сыновъ свѣта въ своемъ родѣ (Лук. 16, 8), то и восторжествовали, наконецъ, лукавые люди надъ преподобнымъ Трифономъ. Но послушаемъ самого жизнеписателя, какъ совершилось такое, можно сказать, неудобомыслимое злое дѣло.

„Егда преподобный архимандритскаго сана сподобленъ бысть“,—въ это время нѣкто изъ московскихъ дворянъ, человѣкъ ученый, Іона Мампінъ — „пріятъ отъ преподобнаго иноческій образъ. Пзначала бытъ послушливъ, и сего ради святыи любляше его, и при животѣ свосмъ, въ тѣлесной своей немощи написавъ духовную грамоту, ¹⁾ нарекъ его Іону вмѣсто себе быти настав-

¹⁾ Замѣчательное изъ сей грамоты: „пишу сію духовную грамоту азъ многгрѣшныи Трифонъ архимандритъ, како Божіими судьбами составися дождь Божіей матери въ Хлыповѣ городѣ.... при государѣ царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ... зачася иноческое общежитіе... и вручено бытъ, смѣя и не смѣя рещи, мнѣ, худому и грубому, и недостойному въ чловѣцѣхъ, паче же во иноцѣхъ, грѣшному Трифону.... И братству убо умножившемуся числомъ болѣе четьредесяти, а угодей на пропитаніе скудно, и азъ грѣшныи.... дерзаль бити челоуъ царю и великому князю Θεодору Іоанновичу всея Россіи о угодныхъ мѣстѣхъ Вятской земли къ тому мѣсту, ко пречистой Богородицѣ. И государь царь... велѣлъ дать уголья, села и озера въ рыбную ловитву братіи на пропитаніе.

И вы, собранное о Христѣ стадо, отцы и братія! мене грѣшнаго послушайте. Аще есмь я грубъ и худши всѣхъ чловѣкъ, но Богъ и пречистая Богородица благоволи владѣти мнѣ худому своимъ доможъ. И азъ васъ молю: Бога ради и пречистыя ради Богородицы между собою духовную любовь имѣйте... и другъ друга не осуждайте. Келейныя молитвы со страхомъ совершайте, а церковное пѣніе не мозяте прогулять.... Аще

никомъ и вождемъ братіи“.— Вотъ сей то и сдѣлался послѣ предводителемъ недовольныхъ иноковъ, кои, „забывши свое иноческое обѣщаніе, не восхотѣша своего учителя ученія слышати и смѣсишася обычанъ съ міряны, пачаша ко преподобному приходить и безмѣрнаго, противнаго уставу монастырскаго, покоя просити. Преподобный же, безчипному ихъ совѣту ни мало внимая, глаголаше съ тихостію: достоинъ намъ по преданію св. отецъ, вкушѣ за единою трапезою доволитися, и то въ уреченное время, а питія пьянственнаго отнюдь не повелѣно намъ имѣти.—Преподобный не повелѣваше во обители своей хмѣльнаго питія держати, ни въ келліяхъ столовъ (угощеній) творити,—Они же (невѣжды), злобою напѣ възъярившеся, пачасте ко святому приходяду и безчипіемъ и укоризнами поношаху ему, и всякія досады и пакости творяху, глаголюще, или покой тѣлесный по ихъ хотѣнію дасть, или отъ настоятельства да отстанеть. Еще же и ученика его Іону Мамина отъ него отлучаютъ и ко своему совѣту привлачаютъ, и вмѣсто преподобнаго—(понеже бо святому

кое и дѣло есть, бѣжи во церковь Божию на нѣвие духовное... Да благословляю азъ, многогрѣшный, вмѣсто себе въ дому пречистой Богородицы ученика своего келейнаго, старца Іону Мамина. А моего нынѣ житія конецъ приближается и тѣлу моему частія немощи приходятъ.

А въ дому пречистыя Богородицы не обрѣтаю такова брата, кому по моему животѣ владѣти домоу Владычницы нашей Богородицы, развѣ Она сама снабждаетъ Свой домоу милостію Своею.

А ты, брате и господине, старецъ Іона! поради Бога ради и пречистыя ради Богородицы, братствомъ всѣмъ, иже суть въ дому у пречистыя Богородицы... Да молю тебе, Бога ради, хмѣльнаго питія не вводи у пречистыя Богородицы въ дому. Какъ при моемъ животѣ не бывало хмѣльнаго питія и столовъ въ келліяхъ, такожде бы и по моемъ животѣ хмѣльнаго питія и столовъ не было бы въ келліяхъ. А братіи на трапезѣхъ доволно бѣ бы было и квасъ добръ бы былъ. Утѣшай Бога ради братію, чтобы трапезою не скудны были они... И Бога ради, по моемъ животѣ мене грѣш. не забудьте, по поминованіе творите въ летіяхъ и въ папихидахъ больш. и меньш. Поминайте всегда, и сами отъ Бога поминов-
будете“.

тогда не бывшу въ обители своей, но бысть въ сѣверныхъ странахъ собрапія ради монастырскихъ потребъ) — во архимандрита выбираютъ, и выборъ составной Іонѣ Мамину отай преподобнаго написаша, къ святѣйшему патріарху къ Москвѣ на постановленіе во архимандрита посылають и преподобнаго отца охуждаютъ. И по ихъ выбору и челобитію ученикъ вмѣсто учителя своего въ той обители архимандритъ бываетъ“.

И такъ коварство и клевета, а съ ними и мзда, какъ сильнѣйшій на землѣ господинъ, помогли неправдѣ возстать выше правды; чрезъ то и водворились въ обители раздоръ, псеяліе и всякаго благочинія раззореніе. Перваго начальника и основателя св. обители возненавидѣли мнимые иноки, возлюбившіе вѣкъ сей привременный и — „иногда какъ сказано, хотяшіе его біеніемъ оскорбити, иногда же и ключи церковные и иныхъ службъ насиліемъ отнимаху и изъ монастыря его изгоняху“.— Конечно и за одно съ ними и первенстволюбець Іона Маминъ дѣлалъ: „сей восхотѣ жити по своему обычаю, и начать въ монастырѣ вино и пиво держати, и старѣйшинъ градскихъ и прочихъ мірянъ всякаго чина къ себѣ въ келлію звати, и самъ къ нимъ въ дома ходити и пиры частые творити, и безмѣрно упиватися. Еще же немогій терпѣти обличенія о своихъ безчиніяхъ отъ преподобнаго повелѣ служѣ своему, — имаше у себе слугу зѣло злоправна, — яко да творитъ пакости (обиды) преподобному; и той посмѣяніемъ же и укоризнами поношаше ему сквернословіемъ, охуждаше его, и руками дерзокъ бываше. и въ темницу ввергаше. Видѣвъ же преподобный братское насиліе, паче же силъ и ученика своего ненависть, и сего ради слезы отъ очію испущаше, и по семъ конечно отъ обители изгонимъ бываетъ,

и въ послѣдней нищетѣ бывать, не имяше, гдѣ главы подклонити“.

Будучи уже близко 60 лѣтъ отъ роду, преподобный прибылъ въ Москву и тамъ убѣдилъ его Никита Строгановъ отправиться въ г. Сольвычегодскъ, чтобы тамъ въ обители доживать свой вѣкъ. Но не долго преподобный пожилъ тамъ. „Якоже младенецъ ищетъ мать свою, такъ говорилъ о немъ Строгановъ, и сей преподобный, плачась, ищетъ Вятскую страну и рыдаетъ духовнѣ о разлученіи созданныя имъ обители усненія пресвятыя Богородицы; понеже бо въ ней и тѣломъ почивати хочетъ“.—Посему, скоро отправясь оттуда въ Соловецкій монастырь, возвратился опять въ Вятскую страну и пришелъ въ городъ Слободской. Жители сего города, еще во время управленія Хлыновскою обителию преподобнымъ Трифономъ, недовольные на дороговизну вкладовъ въ монастырскую казну отъ вновь постригаемыхъ, просили у патріарха Іова разрѣшенія на созданіе монастыря въ ихъ городѣ, на что и послѣдовала имъ въ 1599 году благословенная грамота, въ коемъ строителемъ обители былъ назначенъ іеромонахъ Іоасафъ (казанецъ). До прибытія преподобнаго здѣсь построенъ былъ только одинъ храмъ Богоявленскій; но былъ онъ еще не освященъ. Трифонъ же преподобный, жемая помочь сему дѣлу, беретъ съ собою инока Доснею и отправляется въ Сольвычегодскъ; здѣсь является опять къ Никитѣ Григорьевичу Строганову съ прошеніемъ—„на монастырскіе потребности“. Никита же, какъ сказано,—„возъярися на преподобнаго, глаголы нелѣпы изречь“;—и сей, видя его смущеніе, смиренно удалился отъ него. Однако послѣ вечернихъ молитвъ, Трифонъ преподобный сказалъ Доснею: „брате! воутріе иди въ соборную церковь и егда узриши

Никиту съ братією, не устыдися лица его и проси у него милостыни на монастырское строеніе и братіи на потребу“.

Доснѣей заутра исполнилъ повелѣнное отцомъ; и Никита спросилъ: „не ты ли ученикъ преподобнаго Трифона?“ И взялъ его за руку, отвелъ въ сторону и сталъ говорить со слезами на глазахъ: „воистину онъ рабъ Божій! Вчера я оскорбилъ его и за то въ ночь сію много пострадалъ, безъ сна пребыхъ, стена и трясылся. Ты же, отче, послушай, коея ради вины врагъ воздвиже гнѣвъ въ сердцѣ моемъ: егда преподобный бысть на Вяткѣ архимандритомъ, нѣкто на его мѣсто воста инъ архимандритъ Іона, нарицаемый Маминъ, бяше бо родомъ честныхъ московскихъ дворянъ, и мнози ему о архимандричествѣ помогаху, яко имъ обычай бѣ честь воздавати другъ другу по мздѣ, а не Бога ради. Преподобный же Трифонъ, видя его неправду и насиліе, изыде изъ своего монастыря и прииде къ Москвѣ, странствуя яко единъ отъ убогихъ. Мнѣ же повѣдано бысть, и азъ сжалился зѣло, и сего ради шедъ въ соборную церковь, и государю царю и святѣйшему патріарху билъ челомъ о немъ и просилъ его къ себѣ, дабы ему сотворилъ мѣсто покойно, и государь и патріархъ, вѣдая преподобнаго и добродѣтельное его житіе, пожаловали меня,—велѣли взяти его и поконти. И азъ умолихъ его честію, и привезъ его до сего града Сольвычегодска въ Веденскій монастырь, и устроихъ ему келлію особую, для келейнаго правила далъ ему священно-инока; пищу же и питіе ово монастырское, ово же изъ дому моего посылахъ къ нему въ келлію. Онъ же по малѣ времени не изволи ту пребывати, и восхотѣ ити въ обитель Соловецкую помолитися, и испросилъ у меня судно, и людей, и запасу: и отпустихъ

его съ любовію. Онъ же, ѣхавъ по Двинѣ, и умысли: отпустивъ работниковъ, запасъ весь и судно продавъ, самъ же по своему обычаю нищимъ достиже Соловецкой обители и, мало пребывъ тамо, паки прииде къ Вяткѣ; и се нынѣ прииде сѣмо, азъ же его оскорбихъ, и въ томъ Богу согрѣшихъ. Нынѣ же желаю прощеніе отъ него получить; ты же, отче, шедъ скоро, рцы ему, да приидеть и обѣдуетъ въ дому моемъ“. Преподобный въ тотъ же день пришелъ къ Строгонову, и сей, испросивъ прощеніе, „даде преподобному милостыню; иконъ и книгъ, и ризъ, соли и желѣза. и братіи на потребу, елико преподобному довольно бысть. и отпусти его изъ дому своего съ честію“.—Такъ вотъ Господь заступается за незловивыхъ и дивно имъ помогаетъ во всемъ! Черезъ что и преподобный былъ дивенъ въ своихъ дѣлахъ.

Когда онъ ходилъ въ той странѣ по сбору на Слободской монастырь, его молитвами совершались многія чудеса. Съ нимъ были иконы Спасителя, Богородицы и Николая чудотворца (Можайскаго); и „бывшу ему въ монастырѣ Николы Коряжемскаго, мнози отъ православныхъ прихождаху и повелѣваху преподобному молебень пѣти, Преподобный же, по даннѣй ему отъ Бога благодати, въ молебномъ пѣннѣи ни мало безъ слезъ пребываше, но яко воды отъ благотекущаго источника непрестанно исходятъ, тако и отъ очію преподобнаго слезы точахуся. Видѣвъ же преблагій Богъ раба Своего тако творяща, прослави его, и бысть отъ образа Николая чудотворца знаменія и чудеса велія. И того ради народи наипаче начаша велію вѣру держати ко преподобному, да его ради молитвъ обрящутъ отъ Бога милость“.

Сколь же усерденъ въ молитвахъ былъ преп. Три-

фонъ, о томъ инокъ Никольскаго монастыря Діонисій такъ свидѣтельствуегь: „во единъ отъ днй, по отпустѣ вечерняго пѣнія, оста преп. Трифонъ единъ въ трапезѣ, возжегъ свѣщи предъ иконами, ихъ же съ собою имяше, и ѳнміамомъ облаговонивъ, наченъ по обычаю благодарныя молитвы возсылати, и слезы многи проливаше, яко и съ воплемъ проглаголаше, и частѣ падаше предъ святыми иконами, и на долгъ часъ на земли лежаше; и тако моляся во всю ночь даже и до утренняго благовѣста“. Діонисій же находился въ ту ночь рядомъ съ трапезою, въ кладовой, гдѣ „также правило свое совершаше въ молитвахъ и колѣнопреклоненіяхъ многихъ“.—Утромъ, когда онъ вышелъ и встрѣтился съ преп. Трифономъ, то увидѣлъ, что онъ — „въ потѣ и слезахъ весь мокръ бысть“. Такъ утруждалъ онъ себя поклонами даже до поту! И это онъ такъ молился ночью, днемъ опять совершалъ молебны, „видѣ къ себѣ народъ много стекающъ“.

Продолжая сборъ на обитель, когда преподобный, изшедши изъ Коряжемскаго Никольскаго монастыря, пришелъ въ городъ Сольвычегодскъ,—„тамо наипаче слава о немъ прохождаше всюду, и стекахуся къ нему мнози ту живущіи люди, иже во Усольскомъ и Устюжскомъ уѣздахъ, во градѣхъ же и селахъ, по Вычегдѣ и по Двинѣ; и прихождаху знаменія ради и чудеса, бываемыхъ отъ иконъ, яже бяху съ преподобнымъ, и повѣдающе другъ другу преславная она, яже бывають молитвами преподобнаго. И припадающе къ нему съ великимъ усердіемъ, отъ него благословеніе приимаху; приношаху же ему всякихъ чиновъ люди, кійждо по обѣщанію своему, отъ имѣній своихъ, овъ злато, овъ же серебро, овъ же книги и ризы, и всякихъ прочихъ потребъ довольно. Мнози же тогда и отъ нищихъ при-

хождаху и отъ убогихъ сиротъ, благословенія ради; онъ же всѣмъ требующимъ отъ приносимыхъ удовольше и никого же отъ себѣ тща и безъ упокоенія отпускаше. А яже отъ образа Николая чудотворца каковая исцѣленія быша, и кому именемъ, и отъ котораго града, или кія веси, и конемъ недугомъ кто одержимъ бысть, и како исцѣленіе получи, о томъ вся писана въ книгѣ чудотворенія великаго святителя Николая (книга эта потеряна), числомъ пятьсотъ чудесъ“.

Изъ сихъ чудесъ памятли еще два, подобныя тому, что случилось съ Никитою Строгановымъ за гнѣвъ на преподобнаго. — „Бывшу, сказано, преподобному отцу въ Усольскомъ уѣздѣ съ чудотворными иконами, врагъ научи нѣкоего человѣка, дабы хулилъ преподобнаго и святыню, сущую съ нимъ. И той нача поносити и укоряти преподобнаго нелѣпыми глаголы: „что, черноризче, показываешися глупымъ людямъ, яко быти то и святу; иѣсть же тако, но волхвуеши и тѣмъ человѣки прельщаеши. Хотя имѣніе пріобрѣсти себѣ, твориши тако.“ И ина многая нелѣпная той глаголаше къ преподобному, всячески его оуждая. И въ томъ часѣ объя его болѣзнь люта внутрь чрева его, и нача вопити велимъ голосомъ: „рабе Божій, Трифоне, помилуй мя!“ — и пришедъ, припаде къ ногамъ его, и плача моляшеся, дабы его простилъ и умолилъ бы Господа, да не злѣ скончается животъ его. Преподобный же вземъ святую воду, покропи того; и человѣкъ той премѣнися отъ злобы, пріиде въ чувство и бысть здравъ.“ Такое же чудо было, „егда преподобный Трифонъ возвращашеся отъ вычегодскихъ и двинскихъ странъ къ Вятской земли. Жена нѣкоего селянина нача хульные и укоризненные глаголы поносити на чудотворныя иконы и на преподобнаго отца Трифона; и

въ той часъ внезапно объять ее болѣзнь люта внутри чрева ея, и уже бывши ей близъ смерти, помысли о своемъ согрѣшеніи и желаше грѣхъ свой повѣдати предъ преподобнымъ, и помалу нача аки отъ сна пробуждаться, и прииде во умъ. И пришедъ предъ чудотворныя иконы, нача молитися со слезами, и припаде къ ногамъ преподобнаго, просяше прощенія, и пѣвше молебная пѣнія, бысть здрава, и иде въ домъ свой, славя Бога и преподобнаго отца Трифона.“

По прибытіи преподобнаго въ городъ Слободской, граждане весьма обрадовались,—и воздаша ему честь велию, и о монастырскомъ строеніи всячески ему помогающе, келліи братіямъ поставляше, и ограду, и святыя врата сострои, и надъ тѣми враты церковь созда во имя собора архистратига Михайла ¹⁾. И многи того града, поревновавше житію преподобнаго, къ нему прихождаху и во иноческій чинъ постригахуся“.

А какое было смиренномудріе у преподобнаго и какъ онъ всегда его хранилъ, о семъ въ житіи его сказано такъ: „въ едину отъ ношей бывшу святому въ хлѣбопекарнѣ, съ нимъ же точію ученикъ его Досноей; и, по вечернемъ правилѣ, нача съ въздыханіемъ и слезами творити молитву Иисусову (Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго), и самъ себе охуждати глаголя: „о, окаянне и грѣшне Трифоне! Земля еси ты и пепелъ, сору и всякаго праха худшій! Почто высокая о себѣ мыслиши и чесо еще желаеши?

¹⁾ Эта деревянная церковь, въ послѣднее время обитая тесомъ, стоитъ и нынѣ (270 годъ) надъ вратами, какъ памятникъ древности. Иконы въ ней старинныя; стѣны не тесаны и окна малы; тѣмъ представляетъ и нынѣ всю простоту временъ преп. Трифона. Ранѣе здѣсь были крашенныя одежды на престолѣ и жертвенникѣ, оловянные сосуды и чугунный крестъ; онъ хранится, и донынѣ. Въ монастырскихъ запискахъ значится, что церковь сія была освящена на другой годъ по смерти Трифона, 1614 года.

Нѣси ли ты былъ попъ и еще строитель? Ты же былъ и архимандритъ. Нѣси ли чести изыскалъ и красныхъ міра сего насладился? и что ти еще не достало? Точію гробъ ожидаетъ тя и часъ смертный, и не вѣси, съ какими дѣлами явишия Богу. Но отседѣ плачися горько, грѣшный Трифоне, и кайся о грѣсѣхъ своихъ, и не мысли о себѣ высокая, да не съ гордымъ фарисеемъ осужденіе примеши, но держися мытарева покаянія; да, видя тебе, Господь въ смиреніи, можетъ и поставить съ праведными“.

Поучая же иноческому терпѣнію, преподобный Трифонъ во многія времена говорилъ ученику своему Досиѣю—не выходить изъ Слободской обители и въ пророческомъ духѣ предсказывалъ ему: „и аще изыдеши, паки въ томъ же монастырѣ будеши, и многи скорби и напасти отъ бѣсовъ и злыхъ человѣкъ примеши; точію внимай, яко по смерти своей въ семъ монастырѣ почиши, и въ память мою многимъ на пользу будеши, яко мой еси ученикъ“.—Дѣйствительно отцу Досиѣю привелось въ теченіи пятидесятилѣтней иноческой жизни своей много оскорбленій потерѣть въ семъ монастырѣ, — „и бысть въ величѣй старости, успе и погребенъ бысть“ въ Слободскомъ монастырѣ, противъ алтаря Введенской церкви, гдѣ и построена въ недавнее время деревянная часовня надъ его могилою. ¹⁾

¹⁾ Въ древнемъ синодикѣ упоминается въ числѣ первыхъ имя схимонаха Досиѣя, и надъ его могилою служатъ изстари панихиды по просьбѣ приходящихъ, конемъ нерѣдко подаются въ синодѣніяхъ разныя откровенія. Изъ доведенныхъ до свѣдѣнія Епархіальнаго начальства болѣе замѣчательны слѣдующія откровенія: Слободскаго уѣзда, Стуловской волости, вдова Авѣлина Жилина, у которой дочь Екатерина была 4 года разслаблена ногами, видѣла (1872 года) во снѣ монаха, который назвалъ себя Досиѣемъ и сказалъ: „до которыхъ поръ будетъ дочь твоя мучиться но, гама? Сходи въ мужской монастырь и на моей могилѣ справь панихиду возьми съ оной песку и погри ноги больной дочери“.—Та такъ и сдѣлала и дочь стала ходить. Еще Вагинской волости—Ирина Максимова видѣла

Преподобному Трифону. при концѣ своей жизни, еще пожелалось потрудиться въ подвигѣ святыхъ апостоловъ, о коихъ Павелъ писалъ: въ путныхъ шествіяхъ множицею (2 Кор. 11, 26),— „и яко пчела трудолюбивая, проходила многи грады и монастыри; дойде же и до самаго моря океана, до пречестныя обители Соловецкія“.— Здѣсь игуменъ и братія, видя Трифона въ глубокой старости и великомъ смиреніи, „зѣло, какъ сказано, возлюбивша его и не восхотѣша отъ себе отпустить“. Они говорили ему, что „въ малѣ времени отъ житія сего преставитися имать“. Преподобный же прослезился и рече: „простите мя, отцы святіи, и азъ вѣмъ, по благодати Христа Бога, яко близъ время исхода души моя; но молю вы: Господа ради, молитесь Бога, дабы сподобилъ мя видѣти на Вяткѣ домъ Пресвятыя Богородицы. и тамо свое обѣщаніе исполнити. Желаю бо тѣлу моему въ той обители положену быти. Много бо о семъ Бога молилъ, да и вашихъ ради молитвъ получу отъ Бога милость“. Видя святаго о своей обители зѣло скорбяща, братія миръ и благословеніе давши другъ другу, отпустиша его, и тако преподобный возвратися къ Вяткѣ“.

Не доходя до Хлынова версть 35, преподобный заболѣлъ, и отъ села Подрѣльскаго „прииде рѣкою Вяткою въ своемъ карбасѣ подъ градъ Хлыновъ мѣсяца іюля въ 15-й день“.—Посланный слуга къ архимандриту Іонѣ, возвратившись, сказалъ преподобному: „яко не внять прошенія твоего и въ монастырь внити

(1880 г.) во снѣ, —сѣдовласый старецъ въ простомъ синемъ халатѣ, опоясанный ремнемъ, говоритъ ей: „поди и зайди на вышкѣ загорающійся потолокъ, да сходи въ мужской монастырь, отслужи панихиду и молебень предъ чудотворнымъ образомъ Спасителя“.—Та проснулась, сбѣжала на подволоку и видя, что потолокъ тлѣетъ отъ огня, утушила; и затѣмъ пришла въ монастырь и отслужила панихиду и молебень.

не повелѣ.“ И преподобный ни мало о семь не поропташе: обычай бо быше ему вся скорбная съ радостію терпѣти“.

Тогда послалъ преподобный своего слугу къ діакону Максиму, и тотъ поспѣшно пріѣхалъ за нимъ, привезъ его, уже весьма изнемогшаго, въ домъ свой, „и положи на одрѣ своемъ, служаше ему съ благоговѣніемъ“. Узнавъ о прибытіи преподобнаго, гражданина, „судіи и всякихъ чиновъ люди стекахуся къ нему благословенія ради“.—Изъ монастыря же приходилъ къ преподобному бывший его духовникъ Варлаамъ. И съ 15 іюля до 23 сентября Трифонъ преподобный пребылъ въ дому діакона.

По просьбѣ преподобнаго ходили соборные протопопы и священники къ архимандриту Іонѣ, и онъ наконецъ послалъ къ преподобному звать его въ обитель. „И сей возрадовася зѣло, повелѣ вести себя въ монастырь“ немедленно. Іона съ братією встрѣтилъ его въ св. вратахъ и припалъ къ стопамъ его, со слезами прося прощенія.—Чадю! Господь проститъ тя, сказалъ ему преподобный; сіе бо дѣло діавола есть“.—И пошли въ соборную церковь и служили тамъ молебень; преподобный же, благословивъ всю братію крестомъ честнымъ, „пойде въ келлію свою; и немногіе дни поживе, пріимъ преблагаго себѣ свутника, божественныхъ и животворящихъ таинъ, миръ давъ всѣмъ и послѣднее цѣлованіе, наконецъ рече Господеву: на Тя, Господи, уповахъ, да не постыжуся во вѣкъ,—такъ представися въ вѣчную жизнь октября 8 дня 1613 года“, будучи 70 лѣтъ.

Слава за преподобнымъ слѣдуетъ, какъ тѣнь за тѣломъ. Келлія, по кончинѣ Трифона преподобнаго, исполнилась, взявъ мертвецкаго зловонія, чуднымъ

благоуханіемъ; руки его были сложены на груди крестообразно, на главѣ надѣта схи́ма и лицо сіяло небесною радостію. А вериги (желѣзная цѣпь около 9 фунтовъ, которой была окована грудь), которыя онъ носилъ до кончины своей, оказались снятыми какимъ то образомъ чудеснымъ; какъ оковы съ ап. Петра; и лежали возлѣ умершаго. Это всѣхъ удивило. И Іона съ глубокимъ рясканіемъ самъ отеръ многотрудное тѣло святаго отца своего и положилъ его во гробъ, приготовленный еще за 20 лѣтъ самимъ преподобнымъ Трифономъ. И честныя мощи его похоронили въ церкви, и, согласно его завѣщанію, творили память о немъ „по вся субботы“.

По прошествіи 71 года отъ кончины преподобнаго стали строить новый соборный храмъ на мѣстѣ, гдѣ лежало тѣло его; одни изъ братіи хотѣли каменную стѣну поставить на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была могила преподобнаго, а другіе не соглашались; наконецъ предложили о семъ на разсужденіе Вятскаго архіепископа Іоны. Сей, „пришедши на мѣсто, идѣже быти церкви, повелѣ принести образъ пресвятыя Богородицы и преподобнаго отца Трифона ¹⁾, и поставиша на гробъ преподобнаго“.—Написаны были два жребія, положены на гробницу, отслуженъ молебенъ и взять одинъ жребій, и „выйде быти рву прямо гроба“. 2-го іюня, святитель архимандритъ и старшіе нюки, послѣ молебнаго цѣнія, „въ нощи начаша копати своими руками мѣсто, идѣже бысть гробъ преподобнаго, и въ часъ четвертый нощи обрѣтоша честныя мощи Вятскаго чудотворца, и преложиша его въ новый дубовый гробъ и поставиша во уготованной часовнѣ, яже близъ

¹⁾ Написанный такъ же, какъ и образъ явленія Божіей Матери преподобному Сергію, Радонежскому чудотворцу.

той каменной церкви съ южной страны, и пѣвше надгробныя, и верхъ гроба поставиша прежнюю гробницу, иконы и лампы устроина, якоже и прежде быша“. По прошествіи 6 лѣтъ въ новопостроенной церкви мощи вновь были сокрыты на мѣстѣ, гдѣ и до нынѣ почиваютъ.

При освидѣтельствѣрованіи мощей оказалось: „преподобный тѣлеснымъ возрастомъ бяше низокъ, плоскъ лицомъ, тощавъ, браду имѣ круглу, густу, не велику, русу, съ пробѣлюю сѣдинъ. Усы великъ, висящъ надъ устнѣ“.

Т Р О Ц А Р Ъ

преподобному Трифону, Вятскому Чудотворцу.

Яко свѣтозарная звѣзда, возсіялъ еси отъ востока до запада; оставль бо свое отечество, дошелъ еси Вятскія страны и Богоспасаемаго града Хлынова, въ немъ же обитель во славу Пресвятыя Богородицы создавъ; и тамо на добродѣтель вперився, собралъ еси иночествующихъ множество, и сихъ наставляя на путь спасенія, былъ еси ангеломъ собесѣдникъ и постникомъ сопричастникъ, Трифоне Преподобне; съ ними Христа Бога моли спастися душамъ нашимъ,

К О Н Д А К Ъ.

Волненій множество не влажно преходя, безплотныя враги струями слезъ твоихъ крѣпко погрузилъ еси, Богомудре Трифоне преподобне, и чудесъ даръ примъ, моли непрестанно о всѣхъ насъ.

Блаженный Прокопій.

Въ шести верстахъ отъ Хлынова (нынѣшней Вятки), близъ села Бобинскаго, въ деревнѣ Корякинской, Максимъ и Ирина Плишковы, послѣ долгаго ожиданія и многихъ молитвъ, родили наконецъ (1578 года) сына, сего блаженнаго Проконія. Будучи 12 лѣтъ, онъ ѣхалъ верхомъ въ поле и отъ сильнаго громоваго удара, лучше сказать, отъ испуга онъ упалъ на землю и лежалъ, какъ мертвый. Родители принесли его домой и, плача, призывали на помощь скорого помощника въ бѣдахъ Николая чудотворца, и отрокъ, какъ отъ сна, пробудился. Однако, какъ точно полуумный, рвалъ рубашку на себѣ и ходилъ нагимъ. Когда же приведенъ былъ въ монастырь и преп. Трифонъ отслужилъ молебень и окропилъ св. водой—„отъ болѣзни своея и всего страхованія пріять исцѣленіе“.

Послѣ, когда подростъ, не захотѣлъ дома жить, но ушелъ въ г. Слободской и тамъ у отца Иларіона, священника Екатерининской церкви, три года прислуживалъ. Когда же возвращенъ былъ въ домъ свой и при-
нуждаемъ жениться, умыслилъ подражать Прокопію Устюжскому и Максиму Московскому, Христа ради юродивымъ. Чтобы еще болѣе утаить себя отъ міра, онъ сталъ показывать себя подобнымъ тому, о которомъ въ Евангеліи говорится: и въ ризу не облачешеся, и въ храмъ не живяше (Лук. 8, 27). Если и ученіе о кре-

ствѣ, который велить Господь взять своему послѣдователю, ученіе о злостраданіи въ мірѣ семь показывается безуміемъ для сыновъ вѣка сего, или какъ говорить апостоль: слово крестное погибающимъ юродство есть (1 Кор. 1, 18), то тѣмъ болѣе жизнь согласная съ Божіимъ словомъ, жизнь безпечительная, совершенно преданная Богу, поставляетъ человѣка на виду у прочихъ какъ бы умалишеннымъ, точно дурачкомъ какимъ; и потому всѣ такого отталкиваютъ отъ себя и гонять прочь. — „И хождаше блаженный Проконій, такъ сказано въ житіи его, на всякъ день отъ церкви въ черевѣ, по торгу и по улицамъ, и рѣчи его никтоже увѣдѣ, токмо въ молчаніи пребывая. Все же мняху его, яко юрода суца и умъ погубльша, почему и многія досажденія и укоренія, и раны даяху ему; онъ же, яко въ чужемъ тѣлеси, все съ благодареніемъ терпяше“.

Скитаясь среди града и не имѣя, гдѣ главу приклонить, самовольный страдалецъ „покая тѣлеси своему примаше овогда въ паперти церковной, овогда же на улицахъ градекихъ и за градомъ на гноищахъ, имѣя себѣ одръ-землю, а покровъ-небо. Всегда Христа ради буйственное житіе прохождаше, и одежды никогда на себѣ носаше, по хожданіе босъ и нагъ, веліе терпѣніе показа отъ зимняго мраза и солнечнаго вара, также отъ комаровъ и мшищъ великодушно терпя“.

Таковыми изнуреніями Проконій смирилъ себя совершенно, и Господь наградилъ его даромъ предвѣдѣнія. „И приходаше, какъ сказано, святой во многіе дома къ жителямъ града Хлынова, идѣже зреть болящаго человѣка, и которому возстати отъ болѣзни, того приемя рукама своими, со одра возставляетъ и радуется о немъ; а которому въ болѣзни той умерети,

надъ тѣмъ начнетъ плакати и лобзати руцѣ свои, къ персемъ прилагающе и указаніемъ веляше творити погребальная“. Когда же предузнавалъ, что будетъ пожаръ въ городѣ: „и сей блаженный прежде заpalенія за многіе дни восхождаше на церковныя колокольницы и бѣяше колокола часто, якоже обычай во время огненнаго заpalенія звонити“.—Когда должно быть отъ царя какимъ строгимъ указамъ на Вяткѣ, тогда „ходя по торгу, поставляше деревца по ряду и бѣяше тѣ, аки людей“.

Видя, что блаженный предузнаетъ будущее, воевода, князь Ростовскій, и особенно жена его Наталія „призываху его въ домъ свой, и служажу ему сама княгиня, тѣло блаженнаго обмывающе своими руками и облачающе его въ новыя срачицы, и приводяше его съ собою къ церкви Вознесенія (стоящій посреди трехъ рядовъ лавокъ, противъ Спасскаго собора). Блаженный, повинувая ей и мало время срачицу на себѣ носяще, паки раздираше ее; тѣло же свое видя отъ всякаго праха очищено, вхождаше въ градскія бани, и въ корчемныя избы, и въ кабацкія поварни, и валяшеся по землѣ дотолѣ, пока тѣло его паки очернится, и хождаше, якоже и прежде“.—Случалось, и прочіе обували его, одѣвали, давали хлѣба и денегъ; но онъ рвалъ одежду и обувь, а хлѣбъ и деньги бросалъ нишимъ; чаще же случалось—ничего не бралъ. Любилъ ходить въ Вознесенскій храмъ; здѣсь у священника исповѣдывался и каждое воскресенье причащался святыхъ таинъ. Съ духовникомъ своимъ, отцомъ Іоанномъ, говорилъ „якоже и прочіе челоуѣцы, не яко нѣмъ и юродъ“; но подъ клятвою,—„да не кому же повѣдаетъ о глаголаніи его, дондеже отъ земли преселится“.

При своемъ благоюродствѣ блаженный поступалъ

иногда такъ: разъ у колачника сбросилъ съ плечъ сѣльницу съ калачами и потопталъ ихъ ногами; послѣ тотъ духовнику признался, что онъ ихъ стряпалъ послѣ брачнаго ложа неумытыми руками. Еще разъ пришелъ онъ въ приказную избу и съ воеводы Жемчужникова снялъ шапку (воеводы присутствовали въ шапкахъ, по татарскому обычаю) и надѣлъ ее на свою голову. Тотъ съ улыбкою уступилъ ему и мѣсто свое; Прокопій же взялъ его за руку и увелъ въ арестантскую, бывшую при судѣ. Прошло немного дней, и по царскому повеленію воевода арестованъ былъ за неисправность по службѣ на семь дней.

Былъ на Вяткѣ ссыльный бояринъ Михаилъ Татищевъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ. Прокопій приходилъ къ нему, билъ по замку, стучалъ въ двери, приносилъ хлѣба и воды и показывалъ, что онъ вытащить его въ окошко. Послѣ бояринъ тотъ былъ освобожденъ. Еще приходитъ онъ разъ въ домъ своего духовника во время обѣда и, будучи посаженъ за столъ, беретъ ножъ и машетъ надъ головою сына его, тоже священника, то какъ будто хочетъ его заколотъ въ грудь. Всѣ перепугались, и Прокопій, бросивъ ножъ, обнялъ молодого отца Іоанна и горько заплакалъ, — „аки по мертвомъ, и отъиде“. По прошествіи года его сродники закололи его ножомъ до смерти. У сего же духовника (Прокопѣева) жена страдала зубною болью, и сей, въ Предтеческой церкви встрѣтивъ блаженнаго, сказалъ: помолись, рабе Божій, да подастъ Господь здравія женѣ моей, страждущей зубной болѣзнію. И Прокопій вырвалъ свой зубъ и, отдавая ему, „проглагола ясно: возьми“. — Этотъ зубъ прекратилъ болѣзнь у попады, когда она взяла его въ свой ротъ,

Однажды утромъ рано пришелъ Прокопій въ избу

одного, въ родѣ полицейскаго чиновника, Данила Русскихъ, влѣзъ на печку и кинулъ оттуда младенца его на полъ; самъ легъ на его мѣсто. Пришедши отъ заутрени, отецъ нашелъ сына своего на полу уже мертвымъ. Не почитая Прокопія за святаго, приготовилъ Данилъ гробъ младенцу, призвалъ на выносъ причтъ церковный и, когда запѣли надъ мертвымъ, Прокопій слѣзъ и потурилъ изъ избы всѣхъ, потомъ взялъ ребенка на руки, и тотъ вдругъ закричалъ; и отдалъ его матери. Дитя это выросло; но сдѣлался народный бунтъ и Данилыча столкнули съ моста и ушибли до смерти. Тогда и догадались родители, что показалъ поступокъ дурачка, какъ прежде думали они, блаженнаго Прокопія.

Былъ Прокопій въ Слободскомъ, и священникъ тамошній Іоаннъ Юліинъ звонилъ къ вечернѣ съ паперти съ маленькимъ сыномъ; взялъ его на руки блаженный, но тотъ заплакалъ. Отпустивъ его, Прокопій легъ на паперти, протянулъ ноги и положилъ руки на грудь; и не въ долгѣ послѣ того мальчикъ тотъ умеръ. Въ томъ же городѣ, у Предтеченской церкви, нѣкто Корнилій Карасковъ пѣлъ литургію; Прокопій пришелъ и всталъ на клиросъ; потомъ взялъ за руку пѣвца молодата, повелъ до царскихъ вратъ и понехнулъ въ алтарь. Прошло шесть лѣтъ и Корнилій сталъ священникомъ, а послѣ, когда овдовѣлъ, былъ игуменомъ Кипріяномъ.

Прокопій сталъ юродствовать Христа ради, будучи лѣтъ двадцати; а лѣтъ пятидесяти окончилъ дни свои, предузнавъ отшествіе свое къ Богу, какъ замѣтно изъ слѣдующаго: 21 декабря 1628 года, въ послѣдній день своей жизни, онъ стоялъ у затрени въ Пятницкой церкви, потомъ зашелъ въ Преображенскій дѣвичій мона-

стырь (основанный 1624. года), послѣ видѣли его на мосту, гдѣ долго стоялъ и смотрѣлъ къ востоку, замѣтили еще, какъ онъ спустился въ засору (глубокій оврагъ) и тамъ отиралъ тѣло свое снѣгомъ. Тутъ и нашли его лежащимъ въ снѣгу съ сложенными на груди руками крестообразно и лицомъ, сіяющимъ небесною радостію. Секретарь приказной избы, Сумеонъ Павловъ, испросивъ у воеводы дозволеніе, устроилъ на свой счетъ все нужное къ погребенію; и въ монастырѣ мужскомъ, подъ рундукомъ Успенскаго собора, сокрыто его тѣло при стеченіи множества людей.

Въ 1666 году, 3 марта, Слободскаго уѣзда дѣвица Марфа Тимоѣева, одержимая злымъ духомъ, видѣла, послѣ молитвы въ Вятскомъ мужскомъ монастырѣ: явились ей два свѣтоносные мужа, называя одинъ другаго Трифономъ и Прокопиемъ, и обѣщали ей скорое исцѣленіе, что дѣйствительно она и получила въ скоромъ времени.

Т Р О Х А Р Ъ

Прокопію, Христа ради Юродивому, Вятскому чудотворцу.

Иже на земли Христа ради волею въ буйство претворися, и міра сего красоты отнюдь возненавидѣ; и плотская играція увядивъ постомъ и жаждою и на земли леганіемъ, отъ зимы студенію и мразомъ и отъ зноя солнечнаго и дождя и прочая тяготы никогда— же уклонися подъ кровъ, и на тѣлѣ своемъ не имѣя одѣянія, Божією помощію покрываемъ, и душу очистилъ еси добродѣтелями своими, яко злато въ гор-

нилѣ, Проконіе премудре, съ вѣрою творящихъ память твою, честно и усердно притекающихъ къ рацѣ мощей твоихъ, прославляюще твое святое усненіе, Христу Богу молися, благоюроде, да избавитъ Господь отъ варварскаго нашествія и междоусобныя брани, и миръ мірови даруетъ, и душамъ нашимъ велию милость.

К О Н Ц А К Ъ.

Міра сего красоты возненавидѣлъ еси, плотская мудрованія увядилъ еси постомъ и жаждою, студени мраза, снѣга и зноя и дождя и прочія воздушныя тяготы никогда же уклонися и очистилъ еси себе, яко злато въ горнилѣ, Проконіе Блаженне, всей Вятской земли похвала и утвержденіе.

Достойно примѣчанія: для того, чтобъ мы не сомнѣвались въ такомъ сверхъ-естественномъ подвигѣ блаженнаго Прокопія, что онъ и зимою ходилъ нагимъ и босоногимъ, и въ текущемъ столѣтіи, въ концѣ первой половины, ходилъ по улицамъ г. Вятки, подобный Прокопію, Уваръ, тоже босоногій, только въ рубахѣ, и не мерзъ въ морозъ градусовъ до 30; видно, что Богъ такъ ужъ ему благословилъ быть безчувственнымъ къ холоду. Онъ почти тоже не говорилъ, или мало что; былъ сухощавъ, ходилъ наклонивши голову, и весьма нескоро шагаль.— Рассказывалъ одинъ чиновникъ, какъ ночью стучался Уваръ у воротъ дома, близъ церкви Предтеченской, по его не пустили; и по утру видѣлъ тотъ, какъ Уваръ вылѣзъ изъ глубокаго снѣга подлѣ забора, гдѣ онъ пролежалъ всю ночь. Еще жена серебрянника Г—на, больная зубами, встрѣтила Увара и онъ схватилъ ее за губу, чего никогда не дѣлалъ такъ; и что же? Съ тѣхъ поръ зубы у ней никогда больше не болѣли. Онъ скончался въ сороковыхъ годахъ; тѣло его нашли мертвымъ, стоящимъ на колѣняхъ, съ распростертыми руками, поднятыми къверху, противъ Трифорова монастыря, въ засорѣ, въ глубокомъ снѣгу, и не окоченѣлымъ, а удободвижимымъ всѣми членами, что удивило и доктора, который осматривалъ его.
